

Уходили на фронт ополченцы. История 9-й дивизии народного ополчения Кировского района города Москвы в документах органов военной контрразведки

Территориальные органы ФСБ России

<http://www.fsb.ru/fsb/smi/interview/single.htm%21id%3D10437604%40fsbSmi.html>

Кузьева С.А.
19.03.2015

Военно-исторический журнал, №1, 2015 г.

**Уходили на фронт ополченцы
История 9-й дивизии народного ополчения Кировского района города Москвы в
документах органов военной контрразведки**

С.А. Кузьева

22 июня 1941 года был для большинства москвичей обычным выходным днём. Но всё изменилось в полдень, когда по радио выступил народный комиссар иностранных дел СССР В.И.Молотов с сообщением о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Почти девятиминутную речь наркома люди слушали, затаив дыхание. Именно тогда прозвучали известные слова, пробудившие в сознании советских граждан твёрдое желание подниматься, как один, на защиту родной земли: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Через несколько часов после речи наркома в московские райвоенкоматы были поданы сотни заявлений жителей столицы с просьбой немедленно направить их на фронт. Не все граждане, изъявившие желание с оружием в руках отстаивать свободу своего Отечества, подлежали призыву в действующую армию. Между тем, количество заявлений лиц непризывного возраста (до 17 и после 55 лет), негодных к военной службе по состоянию здоровья, работников оборонных предприятий стремительно росло.

Государственные и партийные органы оценили и поддержали патриотический подъём народных масс. ЦК ВКП(б) в ночь на 2 июля 1941 года предложил местным партийным организациям возглавить создание добровольческих формирований. Военный Совет Московского военного округа в тот же день принял «Постановление о добровольной мобилизации жителей Москвы и области в народное ополчение». Сначала предполагалось создать 25 дивизий по количеству районов столицы, но по ряду причин, в том числе, и из-за нехватки вооружения, были сформированы только 12 дивизий. Соединения доукомплектовывались ополченцами Московской области.

Обеспечение этих формирований транспортом, рабочим инструментом, кухнями, вещевым довольствием намечалось провести из ресурсов города и области, а вооружением и боеприпасами – за счёт штаба МВО. В ополчение вступали инженеры, преподаватели, служащие учреждений, писатели, артисты, бывшие красногвардейцы и участники гражданской войны, но основную массу добровольцев (до 65%) составили рабочие Москвы. Около половины командного состава придавалось дивизиям штабом округа, остальные назначались из ополченцев. Каждая из 12 сформированных дивизий получила номер и была включена в состав армий вновь созданного Резервного фронта: 32-й армии (2-я, 7-я, 8-я, 13-я и 18-я дивизии народного ополчения) и 33-й армии (1-я, 5-я,

9-я, 17-я и 21-я дивизии народного ополчения). Позднее в состав 24-й армии вошли 4-я и 6-я дивизии народного ополчения[1].

Сложившаяся в первые дни войны ситуация на фронте – стремительное продвижение противника в глубь территории СССР, сотни тысяч окружённых и взятых в плен советских военнослужащих отрицательно влияли на настроение населения и психологическое состояние Красной армии. Среди командного состава нередко возникали растерянность и паника. Нервозность и неразбериха царили в стенах московских военкоматов. Именно в таких условиях направлялись на фронт наспеш сформированные, плохо подготовленные и слабо вооружённые дивизии народного ополчения.

В сложный для страны момент отечественные спецслужбы вынуждены были взять под свой контроль почти все сферы жизни советского общества, и им предстояло в короткий период времени внести существенные изменения в организационную структуру, формы и методы своей работы в интересах обеспечения безопасности страны в чрезвычайной обстановке[2].

Особое значение с началом боевых действий приобрела деятельность советской контрразведки в войсках. Численный рост Красной армии требовал расширения аппарата военной контрразведки, поэтому в особые органы[3] фронтовых соединений направилось большое количество сотрудников территориальных органов безопасности, чекистов запаса, командиров и политработников Красной армии, а также коммунистов и комсомольцев «по путёвкам» местных партийных организаций.

Уже в конце июня 1941 года военные контрразведчики получили директиву[4] о работе в частях Красной армии, действующих на фронте, в её тылу, по охране военных объектов, по борьбе с дезертирством и о деятельности на территории противника. Согласно этому документу, оперативные работники должны были находиться как при штабе действующей части, так и в первых эшелонах при командных пунктах, причём место оперработника обуславливалось складывающейся военной обстановкой. Кроме этого, зная планы командования, в обязанности войсковых чекистов входило информирование армейского руководства и военные советы соответствующих частей и соединений Красной армии обо всех недочётах, выявленных в войсках[5]. Военные контрразведчики находились и в дивизиях народного ополчения с самого начала их формирования.

Сложная оперативная обстановка на подступах к столице во многом определяла стремление армейских чекистов иметь как можно больше информации о политико-моральном и боевом состоянии войск, о настроениях населения прифронтовых и оккупационных районов, принимать более активные меры по ограждению штабов и других войсковых учреждений от проникновения агентуры противника. Несмотря на свою специфику, информационные документы органов военной контрразведки дают возможность расширить представление о состоянии, в том числе, и дивизий народного ополченцев, сдерживавших в первые месяцы войны вместе с регулярными частями Красной армии натиск врага у стен столицы.

Девятая дивизия народного ополчения Кировского района (9-я дно) формировалась в клубе кондитерской фабрики «Рот-фронт» по адресу Новокузнецкий переулок, дом 13/15. Краснохолмский комбинат, завод им. Калинина, фабрика «Парижская коммуна», завод точных приборов, 1-я образцовая типография, завод Станконормаль, завод «Красный блок», Мосэнерго, кожзавод им. Тельмана, завод Моспасткож, лентоткацкая фабрика, фабрика «Красный суконщик», Авиапромснаб выделили в дивизию своих добровольцев. Её командиром был назначен генерал-майор Бобров Борис Дмитриевич[6] – опытный офицер с блестящим военным образованием, бывший штабс-капитан Русской императорской армии, участник Первой мировой и Гражданской войн.

Оперуполномоченным по 9-й дно стал 29-летний младший лейтенант госбезопасности Черепов Илья Израилевич[7], имевший образование авиатехника, мобилизованный в органы госбезопасности московским горкомом ВЛКСМ в 1938 году. У Черепова не было опыта оперативной работы в войсках, но в контрразведке он не был новичком и под руководством начальника особого отдела 33-й армии Иващенко Андрея Петровича[8], возглавлявшего до войны органы военной контрразведки соединений Красной армии, быстро освоил возложенные на него обязанности.

Почти весь командный состав дивизии состоял из гражданских лиц, не знакомых с военным делом и не имевших опыта штабной работы. Начальник разведотделения 9-й дн Серганов Алексей Михайлович до войны работал во Всесоюзном институте советской торговли, начальник артснабжения Михайлов Павел Прохорович был бухгалтером в Кировском СРЖУ, начальник химслужбы Хавинсон Аркадий Соломонович – учёным секретарём ВНИТО Кожобувьмех и т.д. Позже, накануне октябрьских боёв в районе Вязьмы, когда ополченцы стали военнослужащими Красной армии, контрразведчики дивизии пытались обратить внимание командование фронта на проблему подбора кадров: «Если учесть, что командный состав, начиная от старшего и кончая младшим, не является кадровым, то, по существу, в дивизии отсутствует квалифицированный командный состав, способный руководить подразделениями в бою»[9].

Большую помощь в организации процесса обучения ополченцев военному делу оказал заместитель начальника особого отдела 9-й дн лейтенант госбезопасности Меренков Николай Васильевич, бывший красный командир, человек знающий, энергичный и общительный. И сам Николай Васильевич, и его непосредственный начальник Черепов Илья Израилевич, и шифровальщик дивизии Пухов Павел Дмитриевич, и ряд других сотрудников особого отдела несколько лет до поступления на службу в органы безопасности проработали на столичных заводах, поэтому в среде 9-й дн – большинство которой составляли московские рабочие, войсковые чекисты не чувствовали себя чужими.

В июле 1941-го года дивизия была направлена из Москвы на лагерный сбор в окрестности села Архангельского, что в 35 км от Москвы. Для многих пожилых и страдающих недугами людей этот переход оказался слишком трудным, в результате часть из них была отчислена по состоянию здоровья и возвращена домой. Один из ополченцев писал родным: «...Мой полк состоит в возрасте от 30 до 60 лет, есть и дети 16-17 лет, примерно треть личного состава – инвалиды, люди с тяжёлыми хроническими заболеваниями, ни к чему не пригодные существа. Все эти "войки" требуют записи их на комиссию для отправки домой»[10]. После двух недель пребывания на сборе последовал марш в Малоярославец, а оттуда на Верею и Можайск.

30 июля 1941 года дивизия вошла в состав 33-й армии, а через день началась её переброска по железной дороге на рубеж обороны Дюки – Бураки[11]. Подготовка дивизии к боевым действиям проходила тяжело. Во-первых, чувствовался значительный некомплект личного состава (дивизии, по данным военной контрразведки, требовалось пополнение в количестве 2485 человек[12]). Во-вторых, катастрофически не хватало оружия и боеприпасов: отсутствовали пулемёты «Максим», 76-мм и 45-мм пушки, мины для 81-мм миномётов. Поступившие позже на вооружение пушки французского производства выпуска 1905 года не имели прицельных приспособлений и почти все требовали заводского ремонта. Не было в наличии бронебойных и осколочных снарядов. По штатному расписанию, артиллерию дивизии предполагалось перевести на конскую тягу, но из-за отсутствия передков для орудий и амуниции для лошадей сделать это не представлялось возможным. Автотранспорт с перевозкой орудий не справлялся. Так, во время одного из передвижений к новому месту назначения стрелковый полк не смог забрать с собой 8 орудий, т.е. 75% всей артиллерии полка.

Дивизия была вооружена 73-мя пулемётами «Кольт». Нехватка винтовок – 500 штук. Случалось, что бойцам не выдавали патроны. Был отмечен случай, когда для поиска высаженного противником парашютного десанта в район 4-го запасного полка выслали взвод в количестве 30 человек без единого патрона. Во время воздушной тревоги двигавшийся по шоссе Москва-Минск 2-й полк остался без пулемётов, т.к. их ранее загрузили в машину и увезли далеко вперед колонны. Личный состав оставался не обмундированным из-за нерасторопности интенданта дивизии, хотя во время сборов под Архангельским вещи для бойцов имелись в наличии. Из-за отсутствия необходимой обуви 50-80% ополченцев во время марша стерли ноги.

Слабо отлаженным оставался учёт вооружения, отмечались факты халатности снабженцев, которые, к примеру, не обратили внимания на разный калибр поступивших в 9-ю дн миномётов, притом, что снаряды к ним прилагались одного калибра. Пулемёты не закреплялись за бойцами и во время маршей находились в разобранном виде, в заводской смазке. 19 августа 1941 года в пришедшем железнодорожном составе с грузом

для 33-й армии обнаружили только гаубичные снаряды, притом, что в армии гаубиц на вооружении вообще не было. Только через 4 дня боеприпасы передали по назначению – в 24-ю армию[13].

Случались утери оружия и боеприпасов: в одном только 1-м батальоне 2-го полка 9-й дн за время марша от Малоярославца до Бородино ополченцы растеряли 4800 патронов, 96 гранат, 2 ручных пулемёта. В 1-м полку один пулемёт забыли в лесу, а 5 пулемётов в разобранном виде оставили на дороге в повозке, взятой у колхозников[14].

Имелся 1 км телефонного провода (вместо положенных 150 км.), 8 телефонных аппаратов (вместо положенных 60), 4 радиостанции (вместо положенных 16). Походные кухни отсутствовали, пища готовилась во врытых в землю котлах, и во время передвижения частей горячую пищу ополченцы не получали. В преддверии холодов почти все из них не имел шинелей.

В таких нелёгких условиях медленно проходило укрепление линии обороны, и к 8 августа 1941 года запланированные дивизией инженерные работы оставались невыполненными. Эскарпов соорудили 4400 метров (вместо определенных 27000 метров), рвов – 1600 метров (вместо 10800 метров), надолбов – 350 метров, опорных пунктов – на 40%; окопных работ выполнили на 60%. Инженерного имущества имелось 20 тонн колючей проволоки, малые саперные лопаты, а также большие лопаты, которыми обеспечивалось только 20% личного состава. Ополченцы рыли окопы малыми саперными лопатами, привязывая к ним палки. Планировалось использовать на инженерных работах около 7600 ополченцев, однако фактически (по состоянию здоровья) работали около 3300 человек, причём военные контрразведчики докладывали командованию, что и им сооружать укрепления затруднительно. Кроме того, у командиров батальонов, назначенных руководить возведением инженерных сооружений, не было опыта в организации подобного рода работ, они не всегда могли проследить за действиями ополченцев, а старшие командиры и комиссары на строительстве практически не появлялись. Сотрудник особого отдела, придя во время предполагаемых работ в 1-й батальон 1-го стрелкового полка, увидел, что предоставленные сами себе бойцы купались в реке, стирали и развешивали бельё, а присутствовавший политрук устроил себе шалаш и спал[15].

Некоторые офицеры, находившиеся на командных должностях в частях дивизии, остро реагировали на отсутствие боеспособности во вверенных им подразделениях ополченцев. 2 августа 1941 года застрелился командир 1-го сп 9-й дн майор Рогов Пётр Антонович. В предсмертной записке он написал: «Не могу перенести душевных страданий за полк, сильно переживаю из-за недочётов в полку, три дня болело сердце... не спал. Почему-то не получается с работой так, как я хотел бы. Сам определить причины недочётов в полку не могу»[16]. Контроль за морально-психологическим состоянием бойцов и командиров всегда оставался одной из важнейших задач военных контрразведчиков. Докладывая своему руководству о настроениях в дивизии, И.И. Черепов приводил примеры наиболее характерных высказываний. «Так, боец Иванов в беседе с красноармейцами заявил: "Я хочу скорее вступить в бой, я буду драться с фашистами и бить этих гадов до последнего патрона. Патронов не станет – буду колоть штыком. Штык сломается – буду грызть их зубами, живым в плен не сдамся!"».

[17]

В поле зрения оказывались антисоветски настроенные лица, бойцы, подпадавшие под влияние вражеской пропаганды, имевшие (по донесениям агентуры) планы перейти на сторону врага и подстрекавшие к предательству своих боевых товарищей и т.п. Труссы, паникёры, провокаторы своими действиями способствовали ослаблению мощи Красной

121 Сов.секретно. 64

НАЧ. О. С. ИРИ 33 АРМИИ
ЛИТ. ГОСУД. БЕЗОП.

тов. ИВАНОВИЧЕ.

К о п и я: Чл. Военного Совета
бригады комиссару
тов. ШИШКИНУ.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

о состоянии боевой готовности 9 Отрядной
дивизии Кировского р-на.

Работа по подготовке дивизии к боевым действиям
оставлена совершенно не удовлетворительно. Дивизия пол-
ностью не укомплектована рядовым и командным составом.

Из положенных по штату 628 чел. старшего и сред-
него состава, в наличии имеется 475 чел. Младш. состава
из положенных 1315 чел., в наличии имеется 772 чел. Рядо-
вого состава из положенных 7486 чел., имеется в наличии -
5744 чел. Всего не докомплектовано дивизии на 2485 человек.

Не лучше обстоит дело с обеспечением дивизии во-
оружением и боеприпасами, что видно из следующей таблицы:

№ п/п	Наимено- вание оружия.	Количество по шт. по та- блице	Сактическое наличие.
1.	Пулемет "ДП"	948 шт.	105 шт.
2.	" " "максим"	144 "	В налич. нет
3.	Пушка 76 мм.	36 "	" " " "
4.	" " 45 "	30 "	" " " "
5.	Миномет 81 мм.	24 "	5 шт.
6.	Мины для 81 мм. миномета	2640 "	В налич. нет
7.	Патрон винтов.	2347800 "	1260000 шт.
8.	Гранат польских	18838 "	14000 "

армии, и обязанность оградить от их влияния военнослужащих и ополченцев ложилась на плечи командиров, политработников и в большей степени военных контрразведчиков. Помощь в определении настроений в армейской среде оказывали созданные в середине июля 1941 года отделения военной цензуры с полномочиями гласного контроля за всей воинской корреспонденцией. Они регулярно составляли обзоры писем, в том числе и ополченцев, чаще всего отмечая, что «бойцы и командиры в своих письмах заявляют о своей готовности отдать жизнь за Родину и выражают уверенность в неизбежности разгрома фашистских войск. Документы отрицательного характера составляют 3-4% общего количества просмотренных документов[18] и по своей тематике в основном содержат разглашение местонахождения воинских частей, жалобы на питание, паническое настроение и пр. »[19]

Военные контрразведчики отмечали положительные качества командного состава дивизии. В подготовленных характеристиках по 9-й дивизии они писали: командир 1-го стрелкового полка С.А. Тазетдинов[20] «энергичный, требовательный, инициативный, знающий своё дело командир. Приняв командование, ...за короткое время добился положительных результатов в области улучшения боеспособности полка»[21]. Командир 2-го стрелкового полка Д.В. Михеев[22] «энергичный, волевой, знающий своё дело и пользующийся авторитетом среди подчинённых командир. Много уделяет внимания поднятию воинской дисциплины и боеспособности полка. Проявляет большую заботу о нуждах бойцов и подразделений»[23]. Комиссар 2-го стрелкового полка З.Л. Маршов[24]«...грамотный, культурный и хорошо знающий свою работу комиссар. Много уделяет внимания изжитию имеющихся недостатков в полку и политическому воспитанию личного состава»[25]. Командир Особого Подольского батальона А.И. Меренов[26] «к своим служебным обязанностям относится честно и добросовестно, знает своё дело, требователен к подчинённым и чутко относится к ним, в результате чего его батальон является лучшим в дивизии».

В преддверии грядущих событий на подступах к столице бойцы и командно-политический состав 9-й дивизии были настроены по-боевому, ожидая «момента столкновения с кровавым немецким фашизмом». Личный состав занимался подготовкой к боевым действиям и имел хорошие результаты в овладении военным делом и выполнении норм по оборонительным работам. Особо отмечались бойцы Раструсин, Буренин, Мамедов (Подольский батальон), Сафронов, Степанов (саперная рота), систематически выполнявшие нормы фортификационных работ на 160-170 %. По предложению особого отдела дивизии несколько бойцов-ополченцев, успешно освоивших навыки владения оружием и военное дело, были выдвинуты на должности младших командиров.

В связи с приближающимися холодами остро вставал вопрос о действиях частей в условиях зимы. Заявки на зимнее обмундирование направлялись интендантом армии в штаб Резервного фронта в середине сентября, но к началу холодов в соединения поступили только шинели. Дивизии получили указания заниматься заготовкой теплых вещей: носков, портянок, перчаток и др., в магазинах населённых пунктов в районе расположения частей, но в этих магазинах необходимый товар отсутствовал. К строительству землянок ополченцы приступили по собственной инициативе, так и не дождавшись распоряжения командования[27].

В сентябре была организована армейская продовольственно-фуражная база в г. Говардово, куда планировалось доставлять продукты и фураж с распределительной базы ст. Полотняный завод. Для обеспечения дивизий мясом из Тульской области гоним направлялись 3200 голов скота. По договорённости с территориальной КЭЧ Барятинского района дивизиям забронировали около 37 тысяч кубометров дров, обеспечение армии горюче-смазочными материалами возлагалось на Барятинскую и Белевскую нефтебазы, ёмкостью 300 и 290 тонн соответственно.

В ненадлежащем состоянии находился учёт автотранспорта и гужевого транспорта. Для необходимого ремонта имевшихся в наличии машин не имелось запчастей. Лошади были истощены, упряжь оставалась непригодной для использования. Автотранспорт передавался из авторот в другие подразделения без разрешения, и находился там в «длительных командировках», на что военные контрразведчики постоянно обращали внимание армейского командования: «У полков имеется тенденция использовать машины других подразделений. Самовольно их задерживают». Так из положенных по штату 9-й

дно 82 автомашин фактически в наличии в конце сентября было лишь 30, «50 автомашин, принадлежащих автороте, разбросаны по полкам, которые держат их сверх штата, заменяя ими отсутствующий гужевой транспорт. Имеющимися фактически тридцатью машинами авторота способна поднять лишь 45% общего тоннажа боеприпасов. Поскольку контроля за водительским составом "прикомандированных" машин никто не осуществляет, возвращаются они в автороту в большинстве случаев требующими среднего и капитального ремонта»[28]. Замечания войсковых чекистов по ремонту автотранспорта были частично удовлетворены, и склад № 404 МВО выделил армии 2,5 батальонных комплекта запасных частей, что позволило отремонтировать 300 машин[29]. Для восстановления дорог и мостов к осеннему и зимнему сезонам дорожный отдел армии организовал их ремонт силами двух выделенных рот бойцов[30].

По приказу штаба 33-й армии 12 сентября 1941 г. с 19.00 во всех частях 9-й дно прошёл инспекторский смотр, выявлявший готовность частей совершать ночные марши. Лил дождь, дороги развезло, из-за затянутого тучами неба темнота была полной. Несмотря на трудности передвижения дивизия прибыла в исходный пункт назначения вовремя со всем боевым имуществом. Опоздал на 30 минут только сбившийся с пути 3 батальон 1300-го сп. И хотя недочётов было выявлено немало – отсутствовала связь между командованием частей и подразделений, не было согласованности в передвижении артиллерии и пехоты, не привлекались проводники из местного населения, коллективные перекуры нарушали светомаскировку – стремление ополченцев «как можно лучше провести учение» было отмечено и дивизионным командованием, и оперработниками.

26 сентября 1941 года особый отдел сообщал: «Боевая способность дивизий народного ополчения 33-й армии по сравнению с прошедшим периодом намного повысилась. Личный состав дивизий, в большинстве не служивший в армии, не знавший оружия и элементарных понятий о военной тактике, в настоящее время в результате проведённой учёбы и воспитания в военном духе овладел присвоенным ему оружием, получил необходимые понятия о военной тактике в бою с противником. По состоянию на 25 сентября с.г. все дивизии за исключением отдельных частей и подразделений укомплектованы командным и политическим составом»[31]. Численный состав 9-й дно на конец сентября 1941 года составлял 11450 человек, из них среднего и старшего командного состава 821 человек, младшего командного состава 1328 человек, рядового состава 9306 человек[32].

После кратковременной боевой подготовки и строительства оборонительных сооружений под Малоярославцем 9-я дно заняла рубежи северо-восточнее города Ельни, а 20 сентября была передана в состав 24-й армии и переместилась в район деревни Ушаково Ельнинского района[33]. Всё отчётливее виделась ополченцам неизбежность участия в боях с оружием в руках. Это не пугало. Наоборот – придавало сил даже пожилым и не совсем здоровым людям. Особый отдел докладывал: «По мере роста настроений о

вступлении в бой с фашизмом среди бойцов и командного состава увеличивается число желающих вступить в члены ВКП(б) и ВЛКСМ. На последнем партсобрании, состоявшемся в Подольском батальоне, во время приёма в кандидаты в ВКП(б) бойцы Новиков и Раструсин заявили, что они, вступая в члены коммунистической партии, хотят идти в бой большевиками, быть на фронте в передовых рядах, показывать пример и поднимать этим самым боевой дух бойцов в деле разгрома фашистских извергов»[34]. 26-го сентября 9-я дно была преобразована в 139-ю стрелковую дивизию, и ополченцы, когда-то негодные к строевой службе, в одночасье стали боевой единицей регулярных войск Красной армии.

Боевые потери 139-й сд были колоссальными ещё до начала операции «Тайфун». 30 сентября 1941 года дивизия по сигналу тревоги выдвинулась на передний край обороны 24-й армии и заняла полосу в районе деревни Леоново (10 км юго-западнее Ельни), сменяя 303-ю сд. Перегруппировка проводилась в ночное время, скрытно от противника[35], но 1300-й полк опоздал и, пытаясь выйти на боевую позицию уже в дневное время, был практически полностью уничтожен противником. 1 октября героически погиб комиссар полка дивизии Сизов Василий Алексеевич. 3 октября немцы стали выходить в тыл 139-й сд, дивизия начала отход к штабу 24-й армии к Волочку, затем с остатками нескольких других соединений – к Семлево, а после боя в районе Семлево была загнана противником в болота. 7 октября сомкнулось кольцо вражеских войск, и 139-я сд оказалась в окружении в числе 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийских полков и управлений четырёх армий. Выходили из западни группами или в одиночку. Самая многочисленная группа, пробившаяся через леса к частям Красной армии, насчитывала около 500 человек,[36] другая около 200. Но большинству войнам дивизии вырваться из стальных фашистских тисков не удалось – они погибли, мужественно сопротивляясь врагу, или обессиленные, замёрзшие были взяты немецкими войсками в плен.

6 октября погиб командир дивизии Бобров Борис Дмитриевич. Не вышли из окружения (пропали без вести) и военные контрразведчики – оперуполномоченные особого отдела дивизии Блинков Иван Тихонович, Горячев Виктор Николаевич, Ломакин Михаил Фёдорович, Гандрабуров Пётр Миронович.

Был тяжело ранен и взят противником в плен шифровальщик дивизии Пухов Павел Дмитриевич, но по пути следования в концлагерь сумел выпрыгнуть из вагона немецкого поезда и уйти в лес. Заместитель начальника особого отдела дивизии Меренков Николай Васильевич вышел из окружения, после чего был откомандирован в Уральский военный округ, но снова вернулся на фронт в 1943 году старшим оперуполномоченным 106-й сд. В декабре 1943 года в бою под деревней Мармовичи заменил убитого командира и пошёл в атаку со своими бойцами. Был тяжело ранен и, не приходя в сознание, умер.

Трагически сложилась судьба начальника особого отдела дивизии. Младший лейтенант госбезопасности Черепов Илья Израилевич из окружения попал в плен, но сумел скрыть свою принадлежность к советским спецслужбам. Уже в лагере для военнопленных сознательно пошёл на свою вербовку в качестве агента немецких спецслужб для возможности скорейшего перехода на советскую сторону. Попав в феврале 1942 года на территорию СССР, сдался особоорганам и был осуждён к десяти годам заключения, где 3 июня 1943 года умер. В 1962 году Илья Израилевич реабилитирован.

В декабре 1941 года в результате новых пополнений завершилось переформирование 139-й сд, но бывших ополченцев в ней практически не осталось.

[1] Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 г. Сост.: Л.С.Беляева, В.И.Бушков, И.И.Кудрявцев. М.: «Московский рабочий», 1978. С. 136.

[2] Подробнее о работе органов безопасности в годы Великой Отечественной войны см.: Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. /В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011.

[3] 8 февраля 1941 г. органы военной контрразведки были переданы из НКВД СССР в систему наркомата обороны. Особый отдел НКВД стал 3-м Управлением НКО, такое же управление было создано в НКВМФ. Особые отделы военных округов, флотов, армий, корпусов, дивизий и других войсковых и флотских соединений были реорганизованы в третьи отделы (отделения) НКО – НКВМФ. Постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. 3-и отделы (отделения) НКО были реорганизованы в особые отделы и вновь переданы в систему НКВД.

[4] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Книга 1 – М.: «Русь», 2000. С. 90-93.

[5] «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2003. С. 20

[6] Бобров Борис Дмитриевич (1893-1941). Родился в г. Сапожок Рязанской губ, русский. В 1912 г. окончил 4 класса Духовной семинарии в г. Рязань. С 1912 г. в Русской императорской армии, штабс-капитан. В 1914 г. окончил Казанское военное училище, в 1917 г. – курсы при Николаевской академии Генерального штаба, в 1927 г. – Военную академию РККА им. М.В.Фрунзе, с 1934 г. адъютант при ней, старший руководитель кафедры методики боевой подготовки., затем кафедры истории гражданской войны. С 1938 г. доцент кафедры общей тактики, старший преподаватель и начальник этой кафедры. С началом Великой Отечественной войны зачислен в распоряжение Военного совета МВО, затем назначен командиром 9-й дн.

[7] Черепов Илья Израилевич (1912-1943). Родился в колонии Зеленополь Новолатопольского района Днепропетровской области (Запорожского округа) в семье крестьян, еврей. Окончил механический техникум, член ВКП(б) с 1939 г. В Красной армии с 1934 г. С 1936 г. заместитель начальника цеха завода «Станколит» в Москве. С 1938 г. курсант оперативных курсов НКВД СССР, затем на оперативной работе в УНКВД Московской области. В начале Великой Отечественной войны назначен начальником особого отдела НКВД 9-й дн.

[8] Иващенко Андрей Петрович, 1893 г.р., уроженец с. Квасово Волынской губернии. Окончил 4 класса охлупской школы и подготовительные курсы к университету. По образованию сельский учитель и писарь. С 1913 г. в Русской императорской армии в 11-м уланском Чугуевском полку. В 1919-1921 гг. конторщик в книгоиздательстве. В органах безопасности с 1921 г., службу начинал в общем отделении следственной тюрьмы. В начале Великой Отечественной войны начальник особого отдела НКВД 33-й армии.

[9] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 25. л. 135

[10] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 2. Л. 193

[11] Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 г. Сост.: Л.С.Беляева, В.И.Бушков, И.И.Кудрявцев. М.: «Московский рабочий», 1978. С. 141-142

[12] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 97. Д. 11. Л.121.

[13] ЦА ФСБ России Ф.40. Оп. 18. Д. 2. Л. 177

[14] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 97. Д. 11. Л. 123

[15] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 97. Д. 1. Л. 132

[16] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 97. Д. 11. Л. 168

[17] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 97. Д. 11. Л. 146

[18] В сентябре-октябре 1941 года за десять суток органы военной цензуры армий Резервного фронта просматривали, как правило, несколько сотен тысяч писем с фронта

[19] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 2. Л. 192

[20] Тазетдинов Сагет Абдулович прибыл в 9-ю дн из 110-й танковой дивизии в звании подполковника и 6 августа 1941 г. назначен командиром 1-го стрелкового полка 9-й дн

[21] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 40. Л. 339

[22] Михеев Дмитрий Васильевич, 1901 г.р., уроженец г. Оренбург, русский, член ВКП(б), участник советско-финляндской войны 1939-1940 гг. В июле 1941 г. назначен командиром 2-го сп 9-й дн.

[23] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 40. Л. 345

[24] Маршов Зиновий Львович, 1903 г.р., уроженец г. Прилуки, еврей, член ВКП(б) с 1928 г. До начала Великой Отечественной войны работал директором Картонажно-ящечной фабрики в г. Москве. В июле 1941 г. назначен в звании старшего политрука комиссаром 2-го сп 9-й дн.

[25] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 40. Л. 361

[26] Меренов Александр Иванович, 1885 г.р., уроженец г. Могилева, еврей. В Русской императорской армии с 1914 г., затем до 1922 г. в Красной армии. В 1917 г. являлся военным комендантом г. Горький. До Великой Отечественной войны работал начальником цеха ногинской фабрики. С началом войны добровольно ушел на фронт и был назначен командиром Особого подольского батальона 9-й дн. По всем показателям, вверенный ему батальон был лучшим в дивизии.

[27] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 50. Л. 69

[28] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 20. Л. 228

[29] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 20. Л. 229

- [30] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 50. Л. 74
- [31] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 40. Л. 152
- [32] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 18. Д. 25. Л.135
- [33] Московская битва в хронике фактов и событий. – М.: Воениздат, 2004. С. 134.
- [34] ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 97. Д. 11. Л. 145-146.
- [35] Московская битва в хронике фактов и событий. – М.: Воениздат, 2004. С. 147
- [36] Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 г. Сост.: Л.С.Беляева, В.И.Бушков, И.И.Кудрявцев. М.: «Московский рабочий», 1978. С. 232-235